
Раздел III

ПУБЛИКАЦИИ. ВЫСТАВКИ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 7.07.071.1 (571.150)

С.М. Будкеев (Барнаул)

НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ (ПО ДНЕВНИКАМ МИХАИЛА БУДКЕЕВА)

Статья посвящена исследованию дневниковых записей и воспоминаний народного художника Российской Федерации Михаила Яковлевича Будкеева. Рассматриваются условия и характерные черты формирования стиля художника.

Ключевые слова: художественно-производственные мастерские, художественный музей, этюды, Горный Алтай.

S.M. Budkeev, doctor of arts, Professor of the history of Russian and foreign art of the Altai State University (Barnaul)

THE BEGINNING OF A PROFESSIONAL CAREER (ON THE DIARIES OF MICHAEL BUDKEEV)

The article is devoted to diary entries and memories of people's artist of the Russian Federation Mikhail Yakovlevich budkeev. The conditions and characteristic features of the formation of the style of the artist.

Key words: art workshops, art Museum studies, Altai mountains.

О Михаиле Яковлевиче Будкееве, известном на Алтае живописце, первом в Алтайском крае народном художнике РФ, написано немало, в том числе [1–3]. В данной статье продолжается публикация фрагментов из его воспоминаний.

Михаил Яковлевич Будкеев

Перечитывая воспоминания и дневниковые записи художника, начинаешь яснее понимать условия и характерные черты формирования его авторского стиля. Особенно ценным для исследователя являются описания ситуаций, эмоциональная атмосфера, при которой создавались этюды, составившие основу для последующих живописных полотен.

Михаил Яковлевич Будкеев писал:

...Работая в художественно-производственных мастерских Барнаула, я поначалу делал копии с репродукций и портреты сухой кистью. Писал маслом, правда, ещё редко. В то время было много заказов по наглядной агитации, оформлению предпраздничных мероприятий. Позднее с организацией ВДНХ мы стали регулярно оформлять разные павильоны и территорию. Иногда при-

ходило писать декорации для театра драмы. Конечно, время было послевоенное, было трудно с питанием и одеждой, да и вообще во всём. Но были молодость и стремления.

Первые один-два года в коллективе я «приживался», много писал этюдов по городу. Потом как-то организовалась поездка на этюды в Горный Алтай. Собралось несколько групп по 3-4 человека. Мы с Белоносовым поехали в Усть-Кан, а там – в Мендурсакон. Поселились в школе – как раз были летние каникулы. Написали много этюдов.

В Горно-Алтайске мы, все группы, посетили краеведческий музей и попросили показать нам работы Гуркина. Гуркин в то время не был реабилитирован, и его работы нигде не показывались. Конечно, нам показали те из небольших работ и этюдов, которые хранились неоформленными, пострадавшими от условий хранения. Там был плохой свет, но всё же работы на нас произвели глубокое впечатление. Больших его картин мы не видели, видимо, они могли быть в других, более надёжных местах. Конечно, Гуркин хорошо и глубоко знал свой Алтай. Впоследствии, много лет спустя, когда его реабилитировали, и появились его работы – капитальные, в экспозициях музеев, такие как «Хан Алтай», «Озеро горных духов», «Корона Катуня» и многие другие. Гуркин предстал достойным учеником своего учителя Шишкина.

В Усть-Кане, где работал тогда мой брат Василий, я с товарищами бывал несколько раз. Однажды с Белоносвым мы двое на верховых лошадях выезжали на Кумир. Запомнился легендарный Девичий плёс, Чёртов мост. Второй раз с Филоновым уже более капитально и на продолжительное время мы выезжали на исполкомовском – председателем коне-воронке уже в упряжке. Конечный пункт нам посоветовал Ва-

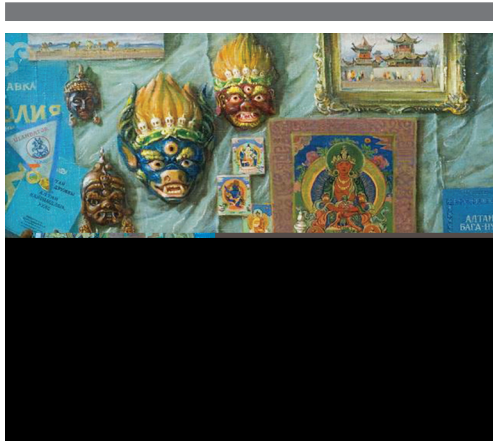

М.Я. Будкеев. Дом на Пушкинской. 1970 г.

силлий – на Подъёмный – так назывался небольшой посёлок из нескольких дворов, можно сказать, в глухом месте, куда можно добраться только летом. Пришлось переезжать Чёртов мост через реку Кумир. Это действительно «чёртов мост», его впоследствии разобрали из-за опасности несчастных случаев.

В посёлке жили, пожалуй, особые, мужественные, бывалые таёжники, в основном кержацкого склада. Там жили лесничий, охотовед, бондарь, пасечник и коренные охотники, медвежатники. Медведей в таком глухом месте и с пасекой было вдоволь.

Вспоминаю сейчас, что там были какие-то особенные люди – типажи и по внешнему виду, и характеру, складу ума и смекалке. Они все очень гостеприимны, просты во всём и жили по своим давно сложившимся обычаям. Домá и, вообще, всё окружающее сделаны ими на совесть и на века, со всеми для них удобствами и со своей выдумкой и простотой. Мы

*М.Я. Будкеев.
Сувенирные маски. Монголия. 1984 г.*

хорошо и радушно были приняты, Лошадь-воронка они сразу же узнали, так как брат, видимо, там бывал не единожды. Работалось там хорошо: природа, пейзажи там особенные, отличные от других мест Алтая.

Запомнился нам день, когда посёлок провожал в армию своих молодых ребят, чем-то похожих на своих старших и, пожалуй, таких же мудрых и бывалых таёжников, про которых много написано книг, и с которыми, как говорится, можно пойти в разведку.

Провожала вся деревня, ходили из дома в дом, прощались, веселились, и, кажется, не грустили. Они нас всюду принимали как своих дорогих гостей. Фёдор Андреевич Филонов по складу своего характера очень общителен в беседах, расспросах, на что они почти все идут охотно. У меня этого не достаёт и, будучи очевидцем, надо было бы вести записи на досуге, потому, что такого нигде не услышишь и не увидишь – там было всё от жизни, различные случаи – таёжные, мудрые изречения, легенды от древности до настоящих дней.

О таких местах и людях писателями написано много книг и характеров непродуманных. Когда читаешь такие произведения, часто кажется, что это всё фантазия. Нет, такого, пожалуй, не придумаешь – это надо слышать и видеть воочию. И такое бывало не только на Подъёмном, но и ещё во многих других местах Горного Алтая. Иногда попадешь в такие ситуации и обстоятельства, что, пожалуй, сравнимо с фантазией. Тут такие, казалось бы, непроходимые места, да ещё с наступлением темноты, да в грозу, какая бывает только в горах, на перевалах, головокружительных спусках и подъёмах. В грозу – ливень с ревущими потоками воды,

*М.Я. Будкеев.
Табунщик из сомона Хатанбулаг. 2008 г.*

летащими камнями и грязью, когда лошади падают на колени при грозных разрядах. Всё это приходилось испытывать не единожды. И я, читая такие «фантазии», восторгаюсь мужеством и талантом повествователя, хотя, повторяюсь, раньше относился к ним с каким-то недоверием, думая, что это преувеличение, и всё написано благодаря умению в словах нарисовать такие убедительные моменты.

На Подъёмном у нас с Фёдором Андреевичем бывали случаи, которые можно было уподобить надуманным и преувеличенным. Но когда такое происходит, этого как бы не замечаешь. Тогда приходится действовать, конечно, здесь не бывает лишним опыт и находчивость, которые характерны для людей бывалых, таёжников. И наоборот, неопытные и «неумелые» становятся чаще всего жертвами обстоятельств. Хорошо, если рядом люди, умудрённые опытом.

В Усть-Кане я с друзьями бывал часто. Поднимались почти на все окружающие нас горы и перевалы, такие как Лохматуха и др. Продолжительное время мы несколько раз приезжали в Шебалино, где Василий работал секретарём райкома. Там я бывал с Ф.А. Филоновым несколько раз, в том числе даже зимой, вернее, ближе к весне.

Одно время, как раз в сенокос, мы в Шебалино приезжали с М.Ф. Жеребцовым. Лето было дождливым, и мы при прояснении помогали просушивать сено, даже разбрасывали копны и стожки, чтобы проветрить и просушить и снова состоговать. Михаил Фёдорович всегда с охотой и основательно помогал на таких мероприятиях.

Мы с ним выезжали на несколько дней на Семинский перевал. Там, рядом с обелиском, был организован временный склад леса. За перевалом, справа, если ехать в сторону Онгудая, была делянка леспромхоза, где валили лес и складировали около обелиска. Там был сделан для сторожа небольшой домик-временка, типа деревенской бани по-чёрному – просто сложен, не оштукатурен, можно сказать, светился от щелей. Мы в нём и поселились. Но ненадолго, уже в первую ночь нас чуть не съели клопы. Их было огромное количество. Сам сторож, видимо, уже привык, или они его, как хозяина, не кусали. Хотя мы были на самой вершине перевала, где самая большая высота, а совсем рядом блок Сарлык, но ночью было не холодно, и мы в первую же ночь устроились на природе.

Дня через два Михаил Фёдорович на попутной машине отправился в Шебалино за дымовыми шашками. Как человек практический, он с клопами решил расправиться. Привёз шашки и устроил дезинфекцию. Закупорил двери и оконце, пустил в ход дымовые шашки. Изо всех щелей повалил адский дым. После проветривания, с наступлением ночи – мы легкомысленно устроились на ночлег в избушку, уверенные в том, что теперь-то будем отдыхать по-цивилизованному. Но, не тут-то было... Клопы, кажется, с ещё большим остервенением стали нас истязать, нам снова пришлось ретироваться на свежий воздух.

Как-то мы работали в Шебалино с Ф.А. Филоновым. Это было время ближе к весне, снегу было много, но стояла удивительно солнечная

и тёплая погода. Мы делали вылазки на перевалы с Василием, груз везли на лошади – Гнедке. Это где-то к югу от Шебалино. Туда я с Василием выезжал, он по райкомовским делам, а я – на этюды. Несколько дней мы работали на пасеке – это несколько километров от Шебалино в сторону Черги. Там, рядом с пасекой есть Легендарная скала. М.Ф. Жребцов рассказывал, что в былые времена вроде с нее был сброшен поп, но почему именно поп, он не знал.

На подступах к ней [скале] было много снега. Погода была солнечная, снег сделался рыхлым, и мы с трудом добрались до скалы. На её склонах снег растаял, и мы смогли подняться на эту высокую отвесную скалу. Признаться, когда я подошёл к краю, стало страшновато. Виды, конечно, открывались великолепные, и нам удалось сделать по паре этюдов. Напротив этой скалы, чуть ниже, в сторону Черги, как нам рассказал пасечник, есть другая скала, на середине её высоты есть пещера. Он говорил, что она очень глубокая, но спускался ли кто в неё, неизвестно. Нам удалось подняться к пещере. Вход в неё как бы вроде арки, довольно высокий и округлый. Когда мы входили, оттуда, из темноты, вылетали стаи летучих мышей, а на полу было много помёта диких козлов. Проходить вглубь в темноте было опасно. Мы длинным шестом ощупывали дорогу и, насколько можно было, продвинулись, но факела не было, и представить себе, как всё выглядело, в темноте было невозможно.

Рядом с пасекой протекает река Усть-Сема; к пасечнику повадилась ходить выдра, видимо, курами поживиться. Пасечник всё-таки умудрился изловить её. Ещё помнится, пасечник подстрелил огромного горного орла, он какое-то время жил на пасеке.

Также зимой, но только теперь я один, продолжительное время работал в Диектике, где размещался Шебалинский маралосовхоз, в котором Василий после райкома работал секретарём парткома. Директором был Василий Алексеевич Синцов, а председателем райисполкома – Одинцов. Однажды Василий и Одинцов взяли нас на охоту на козлов. Мы пробрались довольно глубоко в тайгу – как раз в сторону леспромхоза. Нам была поставлена задача: идти по тайге и громко шуметь, выгоняя с лёжки козлов, которые должны были идти в вероятных направлениях троп. Но охота оказалась безрезультатной. Мы порядком устали, и потом у костра, как принято у охотников, закусили с горячительным и вернулись без трофеев.

В маралосовхозе я работал прямо среди маралов, во время, когда им развозили сено. По материалам этой поездки впоследствии были написаны тематические пейзажи «В Маралосовхозе», «Посёлок мараловодов – Диектик», «На маральнике» и «На ферме Маралосовхоза». Эта работа

была выставлена на выставке в Москве, а её репродукция опубликована в журнале «Искусство», в №8 за 1987 г. под названием «Зима в Диектиеке». А «Посёлок мараловодов» приобретён Музеем изобразительных искусств и прикладного искусства Барнаула, теперь Художественным музеем Алтайского края.

Как-то я из Шебалино ездил в Диектиек, в маралосовхоз на коне – Серке. Из Диектиека я поднялся на перевал. На самом перевале написал этюд. Пропутешествовал целый день. Было бы проще по дороге вернуться в Шебалино, но я решил подняться на перевал и спуститься с него на Чуйский тракт. Подняться-то на перевал было проще, а вот спускаться с него было трудно. Да и опасно, ведь ещё зима, а спуск на южную сторону, где снег уже растаял, но земля мерзлая и скользкая, – довольно крутой и сложный. Приходилось спускаться зигзагами, выбирая менее опасные места. Где-то на середине спуска мне встретились сарлыки. Эти животные всегда пасутся – копытят – самостоятельно. Их не пасут: по своей природе они как бы полудикие, им не страшны ни медведи, ни волки. Это очень сильные, с мощными рогами и отважные животные, они даже зимой забираются в недоступные места и днюют и ночуют под открытым небом в любую погоду. Так вот, я впервые их встретил так близко, да решил ещё подъехать поближе: уж очень красивые и необычные животные – их была группка – до 6-7 голов, и у них был вожак. Когда они заметили, что я приближаюсь, вожак отделился и, приняв воинственный вид, стал демонстрировать атаку.

Мой Серко, видимо, бывалый в таких случаях, буквально «понёс» меня, удаляясь от вожака и стада. Как потом мне рассказывали, один сарлык, сражаясь с медведем, приколол его своими рогами и долго держал его в таком состоянии, пока его не оторвали силой от жертвы.

Благо, что Серко был подкован на все четыре ноги.

Спустился я, таким образом, в ускоренном темпе, переехал вброд Усть-Сему, и уже очень поздно, по темноте, вернулся в Шебалино, за что получил порядочную выволочку от брата. Серко ночевал у Василия во дворе, сено для коровы у них было, так что Серый был на довольствии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цесюлевич Л. Путешественник за красотой // Алтайская правда. 1973. 14 апр.
2. Галкина И.К. М.Я. Будкеев // Изобразительное искусство Алтая. Барнаул, 1977.
3. Степанская, Т.М. Будкеев Михаил Яковлевич // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1997. Т. 2.

BIBLIOGRAPHY

1. Cesiulevich L. The Traveler for the beauty // *Altayskaya Pravda*. 1973. 14 Apr.
2. Galkina I. K. M. Y. budkeev // *Fine art of the Altai*. Barnaul, 1977.
3. Stepanskaya T. M. Budkeev Mikhail Y. // *Encyclopedia of the Altai territory*. Barnaul, 1997. Т. 2.